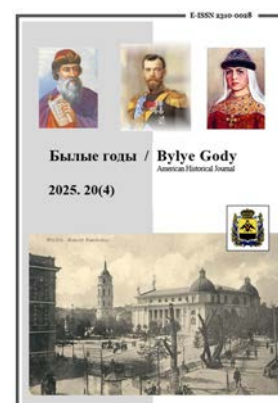

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(4): 1778-1790
DOI: 10.13187/bg.2025.4.1778

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

An Archival-Historical Analysis of the Siberian Committee's Documents on the Implementation of Administrative-Territorial Reforms in Kazakh Steppe during the 19th century

Daniyar Zh. Kussainov ^{a, *}, Altyngul A. Kaskabassova ^b, Guldana B. Zhakibayeva ^c

^a Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Republic of Kazakhstan

^b Toraigrov University, Republic of Kazakhstan

^c Academy of Physical Education and Mass Sports, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the activities of the Siberian Committee, which encompassed a wide range of spheres, making it one of the key institutions of governance and development in Siberia during the 19th century. The Committee dealt with issues of administrative management, economic development, social policy, and cultural progress, which allowed it to exert significant influence on shaping the outlook of the regions of the Russian Empire, including Kazakh steppe. The aim of this study is to analyze the activities of the Siberian Committee regarding the introduction of administrative and territorial reforms in Middle zhuz during the 19th century, based on archival documents. The objective of the research is to introduce new archival materials related to the activities of the Siberian Committee, which may complement existing knowledge about the mechanisms of governance and economic development of steppe territories. The research is based on archival documents from the collections of the Russian State Historical Archive and the Historical Archive of the Omsk Region.

The activities of the Siberian Committee were multifaceted and had far-reaching consequences. The creation of infrastructure, the implementation of resettlement policies, economic development, and cultural transformation in Middle zhuz became processes that substantially reshaped the outlook of Kazakh steppe.

Keywords: Siberian Committee, Middle Zhuz, reforms, charter, outer district, industry.

1. Введение

Исследование деятельности Сибирского комитета представляет значительный интерес как для мировой, так и для казахстанской исторической науки. Сибирский комитет, учреждённый в XIX веке, играл важную роль в разработке и реализации государственной политики в отношении Сибири. Его деятельность охватывала широкий спектр вопросов: от административного устройства и экономического освоения региона до вопросов переселения, транспортной инфраструктуры и социальной политики. В условиях бурного развития Сибири в этот период деятельность комитета оказывала существенное влияние на формирование современного облика региона.

Особое значение деятельность Сибирского комитета имела для истории Казахстана, так как многие аспекты политики Российской империи в Центральной Азии, включая Казахскую степь, находились в тесной связи с решениями, принимаемыми комитетом. Экономическое освоение, переселенческая политика и развитие транспортной инфраструктуры в Среднем жузе во многом определялись общей стратегией управления приграничными регионами, разрабатываемой в том

* Corresponding author

E-mail addresses: daniyar.k.zh@mail.ru (D.Zh. Kussainov), kaa80alt@mail.ru (A.A. Kaskabassova), zhakibayeva.guldana@gmail.com (G.B. Zhakibayeva)

числе Сибирским комитетом. Изучение этой темы позволяет рассмотреть исторические процессы интеграции восточных окраин в империю, а также механизмы влияния центра на периферию.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что Сибирский комитет был ключевым институтом, который способствовал интеграции огромных территорий Сибири в экономическое и культурное пространство Российской империи. Изучение его деятельности позволяет не только глубже понять механизмы управления и освоения Казахской степи, но и выявить специфические черты социально-экономического и политического развития. Кроме того, исследование таких институтов помогает понять процесс взаимодействия центра и периферии, что имеет важное значение для исторического осмысления государственной политики Российской империи на территории Среднего жуза в XIX веке.

2. Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужили архивные документы, выявленные в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Историческом архиве Омской области (ИАОО) (Омск, Российская Федерация). Наибольшее количество дел, представляющих интерес в контексте данного исследования, найдено в фонде 1264 «Первый Сибирский комитет» (РГИА). В обозначенном фонде хранится 717 единиц документов, которые содержат материалы за 1752–1839 годы. Основные направления архивных документов, которые были рассмотрены в процессе исследования: 1) журналы заседаний комитета; 2) отчёты о деятельности комитета и отчёты М.М. Сперанского о состоянии управления Сибирью; 3) материалы об административно-территориальном разделении Сибири на Восточную и Западную; 4) отчёты генерал-губернаторов Западной Сибири (1823–1837 годов); 5) статистические сведения и др. материалы о городах и народонаселении по отдельным округам, в том числе о кочевых и оседлых народах; 6) статистические данные о промышленном развитии Сибири, о состоянии торговли, хлебопашества; 7) проекты управления различными казёнными промышленными предприятиями и др. Из данного перечня документов авторами были выявлены и собраны новые документы, ранее не введённые в научный оборот. Вопросу кодификации казахского традиционного права с российским законодательством посвящено дело 269 (РГИА. Ф. 1264). В деле имеется 208 уложений казахского народа, которые, по замечаниям Омского временного комитета, были унифицированы в соответствии со статьями устава, и проект кодификации был отправлен на рассмотрение в Сибирский комитет.

Важная информация хранится в фонде 3 «Главное управление Западной Сибири в Омске» Исторического архива Омской области (ИАОО). Несколько дел из первой и второй описи указанного фонда содержат положения о порядке торговли в округах, развитии промышленности и описание регионов края; донесения высшей администрации Западной Сибири Сибирскому комитету об открытиях округов, о недовольстве и волнениях казахского населения при введении новой системы управления, а также указы и предписания о поддержании порядка в округах. Документы охватывают период с 1822 по 1859 год и включают как официальные донесения генерал-губернаторов в адрес Комитета, так и внутренние материалы по вопросам административного переустройства. Особое внимание уделено открытию внешних округов в Степи (Кокчетавского, Каркаралинского, Аягузского), донесениям о настроениях казахского населения, двусмысленной позиции султана Саржана Касымова, а также вопросам районирования Сибири и установления границ Омской области.

В целом, материалы архивов дают целостное представление о функционировании Сибирского комитета в 1820–1850-х годах как органа, координирующего политику в степных регионах, и содержат значительный массив данных по вопросам территориального управления, социального контроля и имперской интеграции населения.

В исследовании используются научные статьи и монографии, освещающие смежные темы, что позволяет интегрировать результаты работы в более широкий исторический контекст.

В рамках данного исследования применяется историко-аналитический метод, который позволяет изучить и интерпретировать архивные документы, связанные с деятельностью Сибирского комитета. Особое внимание уделяется историографическому анализу, целью которого является изучение существующей научной литературы, выявление степени изученности темы и определение недостаточно исследованных аспектов. Систематизация и классификация архивных материалов обеспечивают удобство их анализа и представления в виде упорядоченной структуры, что является необходимым этапом. Компаративный метод позволил провести сопоставление деятельности Сибирского комитета с другими аналогичными институтами, выявляя общие и уникальные черты их работы. Социокультурный подход дал возможность изучить влияние решений комитета на развитие социокультурной среды регионов, включая Сибирь и Казахстан.

3. Обсуждение

Историографический обзор показывает, что деятельность Сибирского комитета ранее привлекала внимание ряда исследователей, однако значительная часть его работы остаётся недостаточно изученной. Многие публикации сосредотачиваются на отдельных аспектах его деятельности, таких как переселенческая политика или транспортные проекты, но комплексный

подход к анализу роли комитета в управлении Сибирью, включая территорию современного Казахстана, до сих пор не получил достаточного развития. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

В работах российских учёных исследуется деятельность Сибирского комитета в рамках изучения административной политики, рассматриваются вопросы управленческого и социально-экономического характера, проведён анализ формирования модели управления восточными окраинами и включения их в общегосударственную систему. Это труды Н.П. Ерошкина (Ерошкин, 1997), Л.М. Дамешека (Дамешек, 1986; Дамешек, 2007), А.В. Ремнева (Ремнев, 1997; Ремнев, 2004), А.Н. Марковой (Маркова, 1998) и других исследователей. Многие учёные России обращали внимание на изучение деятельности государственных организаций, показали их роль и значение, а также причины возрастания интереса императорского правительства к восточным окраинам. Среди них работы А.В. Комарова (Комаров, 2004), Р.Ю. Почекаева (Почекаев, 2014; Почекаев, 2017), В.А. Волчек (Волчек, 2006). Эти авторы подчёркивали, что работа центральных органов империи на окраинах оказывала существенную роль на выработку и осуществление тех или иных преобразований в регионах. Исследователь А.С. Кузнецов в статье «Сибирская программа царизма 1852 г.» подчеркнул значение деятельности Сибирского комитета как «органа, формирующего правительственную политику в Сибири... Отчёты и журналы Сибирского комитета позволяют получить общее представление о количестве решённых и нерешённых за обозреваемый период дел, дают краткую информацию о сути дела и принятых по ним решениях, или причинах, помешавших разрешить дело окончательно» (Кузнецов, 1972).

Казахстанские исследователи в своих трудах дают представление о системах управления в Казахской степи в целом, проводят детальный анализ создания и деятельности российских органов власти XIX века, а также рассматривают вопросы социально-экономического характера. Среди них известные работы Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина (Отепова, 2015b: 15), С.З. Зиманова (Зиманов, 1960), К.А. Жиренчина (Жиренчин, 1996). Новое поколение исследователей внесло свой вклад в изучение вопросов истории Казахстана в составе Российской империи. Например, работы А.М. Абдилдабековой (Абдилдабекова, 1998), Б.М. Абдрахмановой (Абдрахманова, 1998), С. Акимбекова (Акимбеков, 2018) и др. Работа Сибирского комитета оказывала непосредственное влияние на выработку тех или иных законодательных актов империи, которые регламентировали жизнь казахского общества в исследуемый период. Эти законодательные источники нашли отражение в научных публикациях руководителя проекта Г.Е. Отеповой (Отепова, 2015a; Отепова, 2015b). Но специальных исследований деятельности Сибирского комитета на территории северовосточного Казахстана среди них нет. Следовательно, изучение деятельности Сибирского комитета, заседаний его журналов и отчётов по управлению данной территорией является ещё до конца не исследованной тематикой, не имеет аналогов, что подчёркивает и подтверждает научную новизну выбранной темы исследования.

В начале XIX века Российское государство перешло к решительным мероприятиям по ликвидации государственности в казахских жузах и превращению их в административные регионы империи. Этому благоприятствовали сложившиеся геополитические условия, среди которых необходимо отметить достижения России в войне с наполеоновской Францией, успехи в русско-персидской и русско-турецких войнах, позволившие захватить часть закавказских территорий и Бессарабию. Рост международного влияния Российского государства привёл к обострению отношений с европейскими государствами в борьбе за колонии. Указанные факторы способствовали необходимости внутренней административно-политической интеграции и унификации империи для создания благоприятных условий экономического освоения богатейших ресурсов Сибири и Казахской степи.

Первые масштабные административные изменения в Казахской степи были разработаны и внедрены под контролем М.М. Сперанского, назначенного губернатором Сибири в 1819 году. В начале своего назначения он непосредственно побывал с ревизионной комиссией в сибирских окраинах, а также в казахских степях. Губернатор посетил Омскую крепость, уездный город Семипалатинск, лично был знаком с казахской правящей знатью. По результатам ревизии был составлен отчёт и предложения по улучшению управления Сибирским краем. Для изучения результатов отчёта и реализации административного переустройства был образован особый орган – Сибирский комитет – высший законосовещательный, контролирующий орган, положения которого имели силу закона. Деятельность комитета подразделяют на два периода: 1821–1838 годы – функционировал первый Сибирский комитет, в 1852–1864 годы – второй Сибирский комитет. Сибирский комитет был подготовлен лично императору, имел собственный штат и канцелярию. Все высшие правительственные органы, а также местная администрация в лице генерал-губернатора отправляли вопросы, прошения, предложения, замечания, имеющие отношение к Сибири и казахским степям сибирского ведомства, сначала в канцелярию комитета. В канцелярии все материалы фиксировались в определённых журналах. Журналов было два: в одном фиксировались вопросы, которые требовали рассмотрения императора, во втором – дела, которые самостоятельно решались Сибирским комитетом.

Первый Сибирский комитет уполномочен был реализовать следующие задачи: «1) Подробное рассмотрение общего и частных предположений по предмету устройства Сибирского края.

2) Постепенное введение оных в действие по мере соображения и начертания приличных к тому правил. 3) Рассмотрение новых мер, от местных управителей представляемых. 4) Разрешение затруднений, которые может встретить местное управление при введении новых положений и руководство оною в высшем отношении на основании принятых начал» (Дамешек, 2007: 86). Таким образом, комитет сотрудничал непосредственно с генерал-губернаторами и высшими министерствами по вопросам переустройства в сибирском регионе, в том числе в Среднем жузе.

Документы и материалы Сибирского комитета являются ценным источником по реконструкции исторических событий первой половины и середины XIX века и позволяют изучить специфику административно-территориальных преобразований в Казахской степи. В Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) деятельность первого Сибирского комитета освещают дела фонда 1264, второго – дела фонда 1265. В историческом архиве Омской области дела фонда 3 «Главное управление Западной Сибири», фонда 366 «Личный фонд Катанаева» также содержат материалы, отражающие взаимодействие Сибирского комитета с Западно-Сибирским генерал-губернаторством.

Непосредственным началом к реализации реформ 1822 года на территории Среднего жуза послужил анализ и обсуждение «Отчета титулярного советника М.М. Сперанского в обозрении Сибири в 1819 и 1820 годах». В фондах Российского государственного исторического архива имеется дело под названием «Ко второй части приложений отчет титулярного советника М.М. Сперанского в обозрении Сибири в 1819 и 1820 годах». В материалах дела есть «Записка о киргиз-кайсаках и других азиатских народов, пребывающих на Сибирскую линию», составленная командиром Сибирского корпуса Г.И. Глазенапом. Записка состоит из нескольких разделов: «О сибирской линии», «О киргиз-кайсаках вообще», «О других азиатцах, переходящих на внутреннюю сторону сибирских линий», «О торговле, происходящей чрез сибирские линии». В документе проводится обзор жизнедеятельности казахского общества в предреформенный период, описываются обстоятельства создания Сибирской линии, принятия русского подданства, имеются сведения о социальной структуре и системе управления казахского общества, состоянии развития торговли и другие сведения. Г.И. Глазенап с 1815 года служил начальником Сибирских линий, и его сведения послужили основанием для ликвидации ханской власти и разработки в последующем устава.

В частности, генерал-лейтенант отмечает благоприятные последствия ряда имперских указов последней четверти XVIII – начала XIX века, согласно которым некоторым казахским родам разрешался переход на внутреннюю сторону. Речь идёт о следующих законодательных актах: письмом императора Павла I генерал-майору Горчакову «Об отводе земель казахам Среднего жуза» от 23 июля 1798 года, переходящим в российское подданство; указ «О разрешении киргизам переходить реку Иртыш» от 16 июля 1771 года; указ «О переселении киргиз-кайсаков из дальних степей во внутренность России» от 15 июля 1788 года; указ «Об отводе степей для киргизов» от 30 ноября 1797 года (Отепова, 2012: 87); именной указ, объявленный Сенату «О дозволении, переселившимся в Россию на вечное кочевье, киргизцам производить мену скота и своих произведений с российскими подданными беспошлинно» от 25 октября 1809 года (Отепова, 2015а: 38). На основании этих законов казахское население в российских документах было разделено на три группы: 1) внутренние, или верноподданные, т.е. перешедшие на вечную кочёвку внутри линии, они приносили присягу на подданство; 2) временно кочующие, т.е. получившие разрешение переходить границу в зимнее время, они оставляли на этот период аманатов в военных крепостях; 3) внешние, которые кочевали вне приграничных линий. Глазенап выделял в своей записке, что верноподданные киргизы, кочующие внутри линии, напрямую подчинялись военному начальству, не имея ханов, более того их численность и благосостояние возрастало, уменьшились беспорядки, росла заинтересованность к хлебопашеству, оседлости и развитию торговли. На этом основании он предлагал выделить больше территории на внутренней российской стороне либо передвинуть военную линию вглубь Степи для большего привлечения киргизов к верноподданству и извлечения максимальной выгоды для империи.

По мнению Глазенапа, военные линии на побережье рек Иртыша и Яика в документах российской администрацией ошибочно признавались в качестве политических границ с казахскими территориями, в частности Сибирская линия. В этом он видел главное препятствие в дальнейшем освоении казахских территорий и отмечал, что Сибирская линия не являлась государственной границей и нуждалась в возведении линейных укреплений и содержании в них пограничной стражи для защиты от набегов со стороны казахов. Главная мысль, которая стала основанием ликвидации ханской власти, – его заключение о том, что фактическая власть находилась в руках султанов, тогда как влияние ханов на народную политику было несущественным (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 50–58). В дальнейшем идеи Глазенапа были приняты во внимание Азиатским и Сибирским комитетами по устройству и управлению Средним жузом, при этом главным правилом было не прибегать к силе, а учитывать желание и просьбы султанов. Положения устава были подробно рассмотрены на заседаниях Сибирского комитета под председательством графа В.П. Кочубея и в присутствии графов Д.А. Гурьева, А.А. Аракчеева, князя А.Н. Голицына и барона Б.Б. Кампенгаузена (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 343. Л. 1–3).

Вопросы обоснования проекта нововведений в Казахской степи были рассмотрены на заседаниях Сибирского комитета 13, 20 и 27 октября 1821 года, по результатам которых были сделаны следующие выводы:

«1) Сибирские линии не составляют действительной государственной границы, будучи назначены не по трактам, но по выбору одного нашего правительства, и касаясь одним краем Монголии, прилегают по всему своему протяжению к степи киргиз кайсаков Средней орды. Народ сей, будучи раздроблен на мелкие племена, не имея никакой внутренней силы и ослабевая от междоусобиц давно не признавал зависимость свою от России. Но сия зависимость по сие время состояла более в зависимости ханов и некоторых султанов, из народа же одни токмо близ линии кочующие киргизы в частных делах своих прибегают иногда к разбирательству российского начальства; ... 3) Многие киргизы перепускаются на зимовку во внутренность линии, и, хотя занимают места, губернскому начальству подведомственны и часть вблизи крестьянских дач, но зависят они от воинского начальства. От сего производят бесчисленные беспорядки и пререкания» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 7. Л. 114–115).

4. Результаты

Одной из главных задач Сибирского комитета стала разработка и внедрение новой системы управления в Казахской степи, в соответствии с которой был издан устав «О сибирских киргизах», высочайше утверждённый 22 июля 1822 года (Отепова, 2015а: 52). Уставом предусматривалось введение новой системы управления в Среднем жузе (по уставу регион получил название «страна сибирских киргизов»). Вся территория делилась на аулы, волости, внешние округа, которые находились в составе Омской области. Руководителями внешних округов назначались избираемые на три года старшие султаны, должность которых приравнивалась к земскому чиновничеству. Помимо системы управления, устав регулировал вопросы финансового обеспечения окружных приказов, строительства необходимой инфраструктуры, надзора за соблюдением порядка, судебных разбирательств, налогообложения, торговли, промышленного освоения региона и другие (Отепова, 2015а: 52–64).

Подготовка к реформам заняла больше года, в течение которого генерал-губернатор Западной Сибири проводил длительные переговоры с казахскими султанами, в основном потомками Вали хана и Букей хана, которые были наиболее лояльными к русской имперской власти. В декабре 1823 года генерал-губернатор Западной Сибири доносил в Сибирский комитет о том, что им были даны распоряжения по реализации устава об открытии двух округов к весне следующего года на территории «семейства Букей-хана напротив дистанции Ямышевской и семейства Вали-хана напротив Петропавловской дистанции. Для чего он планировал отправить в феврале месяце полковника Броневского и подполковника Григоровича. Для большего блеска, который по обычаям киргиз всегда имеет на умы их влияние, отправятся с ними два отряда военной стражи» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 326. Л. 1–2об.). К отчёту приложены инструкции, составленные генерал-губернатором, которых должны были придерживаться руководители отрядов. Каждый отряд состоял из переводчика, муллы и двадцати казаков. Требовалось собрать всех, желательно авторитетных казахов, изложить содержание указа и раздать грамотным из них печатные экземпляры устава. Особенно необходимо было внушать, что с принятием устава прекратятся беспорядки и междоусобицы (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 326. Л. 21–24об.). Согласно инструкции, данному отряду следовало уклоняться от ответов на провокационные вопросы со стороны казахов, а также запрещалось казакам вступать с ними в обсуждение. Необходимо было вести журнал, где фиксировались действия отряда и мнения казахов относительно вводимого порядка. При этом наказывалось содержать отряд в строгой дисциплине, не притесняя местное население и не допуская каких-либо беспорядков в Степи. Отряд снабжался всем необходимым продовольствием, поэтому строго запрещалось брать у казахов что-либо из оплаты. В случае поступления какой-либо жалобы или слухов о вымогательстве войсковой начальник подвергался суровой ответственности (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 326. Л. 24об.).

В преддверии предупреждения беспорядков со стороны казахов Младшего жуза генерал-губернатор Западной Сибири было отправлено отношение оренбургскому военному губернатору от 1 февраля 1824 года, в котором он сообщает о намерении послать в Степь 14 отрядов для торжественного объявления, «что вся страна киргизцев сибирских орд приемлется в особенное покровительство и на попечение российское». В документе автор отмечает, что командировка данных отрядов должна была произвести впечатление на казахов Младшего жуза и донести до них, что данные владения отныне находятся под защитой Российской империи (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 326. Л. 60–60об.). 25 февраля 1824 года на заседании Сибирского комитета документы, отправленные генерал-губернатором Западной Сибири, были рассмотрены и отразились в выписке (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 326. Л. 63–64об.).

На очередном заседании Сибирского комитета был рассмотрен годовой отчёт генерал-губернатора Капцевича, где он доносил о торжественном открытии 8 апреля 1824 года Каркаралинского округа, Кокчетавского – 29 апреля 1824 года, об избрании старшими султанами

Турсуна Чингисова и Губайдуллы. Был определён выбор места для окружных приказов: Каркаралинский приказ был размещён у Каркаралинских гор, рядом с рекой Джаримсу, а Кокчетавский – у озера Копа и реки Чаглинке. Данные приказы считались удобными и обладали плодородными угодьями. Для казаков, чиновников и военной стражи были построены временные деревянные помещения, заготовлен провиант и фураж для содержания скота. В Каркаралинском округе насчитывалось до 20 тысяч кибиток, а в Кокчетавском – 15 тысяч (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 24. Л. 146–150).

Однако часть казахских султанов начала активное сопротивление нововведениям. Так, в октябре 1825 года генерал-губернатор отмечал в «Записке об обозрении Кокчетавского округа»: «Состояние умов у киргизцев и понятия о порядке нового управления не одинаковы: султаны по связям родства с Габайдуллою не благоприятствуют оному, большая часть киргизцев, кои знакомы с обычаями нашими, или, так сказать обрусели, хорошо отзываются о новом порядке, а другие более дикие совершенно кажется поверили нелепым внушениям людей не благонамеренных» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 336. Л. 1-7). В связи с недовольством казахского населения были приостановлены планы по открытию следующих округов. В этот период началось волнение среди потомков Абылай хана, в частности султанов Губайдуллы, Касыма и многих других, о чём регулярно извещалось руководство Сибирского комитета. Например, 20 декабря 1826 года Сибирский комитет на основании воли императора постановил: остановить на время водворение в открытых внешних округах линейных казаков. Неутихающие волнения в Степи вынуждали генерал-губернатора просить комитет направить к нему двух конфиденстов (тайных агентов) на службу с более высоким окладом, чем полагалось по штату (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36).

Необходимо отметить, что Сибирский комитет тщательно изучал и анализировал все донесения, представления, отчёты и рапорты губернской администрации, в которых отражались недовольства казахского населения введением устава. Так, на очередном обсуждении годового отчёта генерал-губернатора от 24 февраля 1828 года было объявлено замечание, что при генерал-губернаторе Капцевиче текст устава не был переведён на татарский язык полностью, а только те статьи, которые касались управления, поэтому вопросы перевода казахов в другое сословие, судебные дела и обращения в христианскую веру неверно были истолкованы населением, что и вызвало их недовольство. Также среди причин продолжающегося волнения комитет указывал на случаи жестокого обращения линейного начальства с местным населением (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36).

Отдельно следует выделить, что для привлечения влиятельных казахских правителей к принятию новых правил комитетом проводились меры поощрения наиболее усердных и влиятельных лиц. Так, с одобрения Сибирского комитета, вдове Вали хана (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36) и султану Суюк Абылайханову были отведены места для строительства дома и мечети (Д. 335); мулле, проявившему усердие при открытии первых округов, было назначено жалованье. Более того, положением Сибирского комитета было решено продлить льготный период освобождения от ясака населения двух первых округов до 8 лет, до 1832 года (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 430–435).

В июле 1830 года генерал от инфантерии Вельяминов обратился в Сибирский комитет с просьбой возобновить открытие округов, в связи с чем решил командировать 5 отрядов из Сибирского линейного казачьего войска на урочища Аманкарагай, Ушбулак, Баянаул, Карметты-Асу, Акмолла (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 346. Л. 4–506.). К документу приложена ведомость «О числе людей и лошадей в отрядах, выступивших в Киргизскую степь для занятия округов, в 25, 26 и 28 числа прошедшего мая месяца», датируемая 5 июля 1830 года. Так, каждый из отрядов, в зависимости от направления пути, имел свыше ста человек, среди них обер-офицеры, унтер-офицеры, урядники, рядовые, казаки с соответствующим вооружением, а также фельдшеры, топографы (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 346. Л. 9).

Таким образом, за относительно короткое время были открыты ещё пять округов, о чём свидетельствуют высочайше утверждённые положения Сибирского комитета: «Об открытии в Аягузском внешнем округе Омской области окружного приказа» от 19 октября 1831 года; «Об открытии в степи сибирских киргизов двух округов Баян-Аульского и Уч-Булакского» от 9 марта 1833 года; «Об открытии Аман-Карагайского внешнего округа Омской области» от 29 мая 1834 года (Аполлова, 1948: 36). Учитывая опыт прошлых лет, российское военное начальство тщательно подготовилось к своей миссии; так, в инструкциях руководства вменялось «соблюдать военную осторожность», при обнаружении «неприятных» казахов на покровительствуемой волости, арестовать и доставить их на линию к местному начальству для дальнейших разбирательств в рамках имперского закона. При этом запрещалось использовать оружие и не допускались убийства. Помимо организации новых округов, топографы должны были производить статистическое описание и глазомерную рекогносцировку местностей для выявления соляных и рудных источников в Казахской степи, притом съёмка велась в 5 направлениях и служила значительным пополнением для картографического материала (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 346. Л. 10). Архивные документы свидетельствуют о целенаправленной и системной готовности военного и административного штата по реализации устава 1822 года.

Вопросы налогообложения казахов, принявших устав, актуализировались по истечении льготного срока, в связи с чем в канцелярию Сибирского комитета было направлено представление генерал-губернатора «О разрешении некоторых вопросов, относящихся к сбору ясака с сибирских киргизов в тех открытых внешних округах Омской области, коих льгота кончилась». Следует отметить, что в уставе предусматривалось введение налогов со всего казахского населения, однако на очередном заседании в мае 1831 года комитет постановил, что следует освободить от ясака старших султанов округов и волостей, а также старшин, биев и почётных казахов, которые участвовали в заседаниях при окружных приказах. Причём предупреждались факты превышения их привилегий: «а) у каждого старшего султана управляющего округом, считать свободными от ясака не более, как 300 лошадей, 200 быков (разумея под сим именем и коров) и 200 баранов (разумея под сим именем и козлов, овец и коз)» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 14. Л. 58). Но при этом Сибирский комитет отмечал: «Из особенного уважения к родам бывших ханов Валия и Букея, у нынешних потомков их по прямой линии султана Аблая Габбасова, служащего председателем в Кокчетавском окружном приказе, и султана подполковника Турсуна Чингисова, служащего председателем Каркаралинском в окружном приказе, считать всегда свободными от ясака по 1000 лошадей, 1500 быков и 1500 баранов у каждого. По смерти их право сие распространяется на их потомство, по прямой линии, а именно, в роде как того, так и другого, на одного из старших сыновей, или на того, которого отец изберет своим наследником, но без раздробления сего права между прочими детьми» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 14. Л. 58–60). Таким образом, некоторые статьи устава могли на усмотрение комитета уточняться и дополняться. Следует отметить, что даже по истечении срока льготного налогообложения имперская власть в лице Сибирского комитета с осторожностью внедряла положения устава, стремилась укрепить доверие влиятельных султанов и демонстрировала своё расположение к ним через различные схемы поощрений.

Особое внимание Российской империей отводилось вопросам кодификации казахского традиционного права с российским законодательством в соответствии с уставом. В этой связи в Казахскую степь были отправлены различные экспедиции для сбора казахских обычаев и законов. Например, в фонде 1264 РГИА отложилось дело «По проекту “Степных законов” для народов, населяющих Западную Сибирь» 1833 года (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269). В деле имеется 208 уложений казахского народа, которые, по замечаниям комитета, были максимально унифицированы в соответствии со статьями устава. В частности, запрещалась смертная казнь, которая в традиционном казахском обществе могла быть вынесена биями в редких случаях богохульства, невозможности выплачивать кун, убийства мужа женой, убийства женщиной незаконнорождённого ребёнка и других. Однако на практике смертная казнь редко выносилась как средство наказания, всегда можно было путём прощения или выплатой повышенного куна избежать казни. Интересным является изменение меры наказания за случаи обращения казахов в христианскую веру или христиан в мусульманство в соответствии с уложениями устава. Так, по адату, «кто христианина склонит в киргизское вероисповедание тот причитается с правоверными в царстве небесном». За склонение христианина к принятию исламской веры предусматривалось наказание в виде ударов плетью и дальнейшей ссылки в работу. Согласно казахскому обычному праву, если казах принимал христианскую веру, его лишали наследства и имущества. Соответственно, положением комитета было выделено: «Решить таковые дела по указу 1763 года июля 22 дня и собственное имение принявших христианскую веру обращать им из киргизского владения, ежели же кто из них прежде принятия христианской веры будет и киргизами пойман и остановлен, то таковых не только запретить, или лишить живота, или делать какое либо истязание, то и отнюдь не препятствовать им по доброй воле и желанию вступать в христианскую веру, в противном случае с не допустившими желающих креститься поступать с послушниками закона, а за убийство судить как убийц» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269. Л. 90–116). Таким образом, положения устава 1822 года демонстрируют поощрение перехода казахского населения в христианскую веру, а склонение христиан к исламу воспринималось как уголовное преступление, и следовали суровые меры наказания.

В общем, можно отметить, что первый Сибирский комитет за годы своей деятельности (1821–1838) реализовал свои цели и задачи, основные положения устава были разработаны для реалий казахского общества и введены были в Степи. Поэтому имперская власть именным указом от 9 января 1838 года объявила о прекращении деятельности Сибирского комитета. Все документы было поручено передать в канцелярию Комитета министров, а функцию Сибирского комитета возложить на Государственный совет и Комитет министров по принадлежности (Отепова, 2015а: 162).

В 30-е годы XIX века в Казахской степи усилилось сопротивление строительству новых окружных приказов, поэтому создана новая структура, которая непосредственно занималась наведением порядка в Степи. Высочайшим положением от 6 апреля 1838 года Омская область была упразднена, для непосредственного управления казахскими округами было создано Пограничное управление. Несмотря на закрытие Сибирского комитета, практически все его уложения в дальнейшем были использованы в деятельности управления. Так, в положении указано: 1) старшие султаны утверждались пограничным начальником и генерал-губернатором; 2) исковые дела свыше 5 тысяч рублей рассматривать по российским законам в Пограничном управлении; 3) пограничный

начальник обязан был склонять казахов к общему порядку, который вводился в Степи, внушая им его преимущества; 4) в течение года казахи должны были принять общий порядок, в противном случае удалиться - из округов (Отепова, 2015а: 163).

В начале 50-х годов XIX века правительством было принято решение возобновить деятельность Сибирского комитета (1852–1864). В исторической литературе принято выделять его как Второй Сибирский комитет, поскольку его цели и функции имели некоторые отличия, а деятельность осуществлялась в других исторических условиях. К этому времени обостряется внешнеполитическая обстановка, Российская империя по многим показателям значительно отставала от европейских стран, поэтому необходимо было расширять, укреплять и эффективнее осваивать регионы. Перед Вторым Сибирским комитетом стояла задача комплексной интеграции и развития указанных регионов с учётом изменившейся международной обстановки и созданных условий для углубления влияния Российской империи в Казахской степи.

Во второй половине XIX века значительная часть казахских султанов и старшин уже представляла из себя классических чиновников империи. В этой связи российская администрация предприняла ряд мер по уничтожению сословных привилегий султанов-чингизидов. Уже с 30-х годов XIX века на должности старших султанов назначались влиятельные старшины и бии, пользующиеся доверием среди русского правительства. В дальнейшем данная тенденция закреплена была на законодательном уровне. В декабре 1854 года генерал-губернатором Западной Сибири Гасфортом было внесено предложение о необходимости изменения порядка избрания старших султанов во внешних округах. Он обосновывал своё предложение тем, что во многих округах количество султанов не превышает 2–3 человек, а на должность старших султанов избираются лица с офицерским чином, не имеющие султанского происхождения, поэтому счёл необходимым допустить в число избирателей не только лиц султанского происхождения. Также допускались на данную должность почётные казахи, прослужившие 9 лет на классных должностях и не имевшие офицерского чина. На заседании Сибирского комитета была изменена статья устава: «Право быть избранными старшими султанами предоставляется всем вообще султанам и лицам пожалованным офицерскими чинами, ограничив впрочем число сих последних лишь теми, кои прослужили не менее 3 лет заседателями окружных приказов или волостными управителями, в число же избирателей, сверх лиц султанского происхождения, допускаются все вообще имеющие офицерские чины, а равно и те из почётных киргизов, кои прослужили в классных должностях, по выборам, 9 лет, хотя бы они и не имели офицерских чинов» (РГИА. Оп. 1. Д. 1265; РГИА. Оп. 3. Д. 163). Таким образом, внесение соответствующего положения Сибирского комитета на законодательном уровне ликвидировало привилегированное положение потомственных султанов.

Большое внимание Сибирский комитет уделял промышленному освоению Казахской степи. Особенная роль отводилась добыче соли, принятию мер по охране соляных озёр в степи в целях борьбы с беспощинным вывозом соли (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 591). В 1825–1826 годах было разрешено горнопромышленнику П. Демидову начать исследование и добычу природных богатств в Степи (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 599), также купцу С. Попову разрабатывать свинцовые руды (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 604). В дальнейшем были высочайше утверждены и приняты законодательные положения комитета, которые расширили правовую базу для освоения природных богатств: «О надзоре за частными золотыми промыслами в Киргизской степи» от 26 октября 1852 года; «О геогностическом исследовании Киргизской степи» от 17 апреля 1853 года; «О производстве частного золотого промысла в пределах Аягузского округа, Киргизской степи» от 19 марта 1854 года; «О мерах к прекращению корчемства солью, вывозимую из Киргизской степи в Западную Сибирь» от 19 марта 1854 года; «О дозволении киргизским султанам и почётным киргизам производить в Киргизской степи золотой и рудный промысел» от 19 мая 1854 года (Отепова, 2015а: 283).

Высочайше утверждённые положения Сибирского комитета регламентировали широкий круг вопросов, связанных со стимулированием развития торговли: «О беспощинном вывозе хлеба в Киргизскую степь через сибирские и оренбургские таможенные места» от 15 октября 1852 года; «О предоставлении по Сибирскому, Оренбургскому и Астраханскому таможенным округам купцам 2-й и 3-й гильдий и крестьянам, торгующим по свидетельствам 2-го и 3-го родов, права производить азиатскую заграничную торговлю наравне с купцами 1-й гильдии» от 7 декабря 1852 года; «О порядке выдачи из устькаменогорского хозяйственного управления торговых свидетельств и билетов тамошним купцам и их приказчикам» от 11 ноября 1853 года; «О продолжении срока на дозволение купцам и азиатам, торгующим в Семипалатинске, Петропавловске и Омске, брать из таможенных мест привозные товары за оные пошрины» от 18 февраля 1854 года; «О порядке учреждения в Киргизской степи по торговым путям караван-сараев» от 19 мая 1854 года (Отепова, 2015а: 282).

Помимо указанных направлений, в компетенции Сибирского комитета находились вопросы развития необходимой инфраструктуры для нужд увеличивающегося русского казачьего населения в Степи, таких как строительство церквей, почтовых пикетов, постоянных дворов и других. К примеру, в декабре 1852 года Комитет рассматривал прошение генерал-адъютанта Анненкова о разрешении строить постоянные дворы. В частности, он указывал на непреодолимые трудности для русских купцов во время прохождения караванов в осенне-зимний период, которые следовали для торговли с

Китаем. Постоялые дворы должны были служить местом для пополнения запасов и обогрева. Такие же здания он предлагал построить по дорогам, ведущим к золотым промыслам, рудникам и заводам. Эту идею также поддерживал генерал-лейтенант Г.Х. Гасфорт, который считал, что такие устройства в Степи стали бы основой для будущего заселения главных военных путей, которые шли в Среднюю Азию. Сибирский комитет, находя это предположение во всех отношениях полезным, положил оное утвердить (РГИА. Ф. 1264. Оп. 13. Д. 11). Таким образом, практически все мероприятия, реализованные уложениями Сибирского комитета, имели целью создание условий для дальнейшего продвижения Российской империи к Старшему жузу и к среднеазиатским территориям. Сибирским комитетом было инициировано и впоследствии учреждено сенатским указом от 19 мая 1854 года строительство почтового тракта между укреплениями Копал и Верным из 13 пикетов, общая длина которого составляла 368 верст (Отепова, 2015а: 282).

Комитет также регулировал вопросы заселения освоенных регионов Казахской степи, в частности, были изданы следующие положения: «О порядке разрешения иноземцам водворяться в степях киргизов Западной Сибири» от 21 декабря 1854 года; «Об увеличении русского населения в Семиреченском и Заилийском крае Западной Сибири» от 25 марта 1857 года; «О выселении в Киргизскую степь или другие отдаленные места Сибири самовольных переселенцев в Западную Сибирь из внутренних губерний и старожилов Сибирских губерний, неблагонадежных к платежу пошлин» от 19 апреля 1858 года; «О правилах, касающихся переселения в Киргизскую степь крестьян за неплатеж податных недоимок» от 12 апреля 1859 года и другие.

Значительная часть рассматриваемых в Комитете дел касалась устройства населённых пунктов и оптимизации их управления: «О возведении Коряковской станицы, Сибирского линейного казачьего войска на степень заштатного города и наименовании сего города Павлодаром» от 4 апреля 1861 года; «О включении в штаты управления Кокбектинского и Сергиопольского окружных приказов Семипалатинской области должностей военно-окружных начальников и председателей приказов, и возложении обязанности товарища председателя на старших султанов» от 4 апреля 1861 года; «Об изменении порядка выбора волостных управителей в Киргизской степи и в Семипалатинской области» от 4 апреля 1861 года; «О том, чтобы льготы, дарованные городам Аягузу (ныне Сергиополю), Кокбекты и Капалу, Семипалатинской области, распространить на купцов и мещан, причисленных к сим городам до ноября 1858 года» от 27 июня 1861 года; «О предоставлении начальнику Алатавского округа права выдавать билеты на проезд для торговли в города западного Китая: Кульджу и Чугучак» от 26 сентября 1862 года; «О возведении Акмолинского селения в области Сибирских киргизов на степень окружного города» от 26 сентября 1862 года.

В ведении Сибирского комитета находились и вопросы просвещения. По инициативе и с разрешения Сибирского комитета открывались учебные заведения на территории Казахской степи: «Об устройстве в городе Омске при областном правлении сибирских киргизов школы для воспитания киргизских детей» от 27 октября 1857 года; «Об открытии в городе Семипалатинске уездного училища» от 6 июня 1859 года.

К 60-м годам XIX века российское войсковое казачество продвинулось значительно вглубь казахских степей, для усиления собственных позиций строились новые укрепления. Так, в 1862 году на базе Копальского и Верненского укреплений был создан Алатавский округ, управление которым находилось также в компетенции Сибирского комитета. Было разработано высочайше утверждённое положение Сибирского комитета «Об управлении Алатавским округом» от 25 декабря 1862 года. В положении были выделены границы округа, определена структура управления: так, во главе Алатавского округа был назначен начальник с широким кругом гражданских и военных полномочий, который подчинялся непосредственно Семипалатинскому губернатору. Во главе укреплений назначались воинские начальники, под управлением которых было казачье войско. Образование новой административной единицы укрепило военное присутствие империи на территории Южного Казахстана, создало условия для дальнейшего военного захвата населения Старшего жуза, а также способствовало военным успехам русских войск в ходе завоевания среднеазиатских ханств (Zhakibayeva et al., 2022: 1149).

5. Заключение

Таким образом, архивные источники позволяют раскрыть особенности организации нового устройства по уставу 1822 года в Казахской степи, а также специфику формирования условий для дальнейшего продвижения Российской империи в южные регионы, которые были реализованы в ходе деятельности Сибирского комитета.

Созданный в 1821 году для интеграции сибирского обширного пространства в имперскую административную структуру, комитет являлся ключевым инструментом российской имперской политики в Казахской степи XIX века. Его деятельность делится на два периода, поэтому в исторической литературе принято отделять Первый (1821–1838) и Второй (1852–1864) Сибирские комитеты. Как видно из хронологии деятельности комитетов, они функционировали в различных исторических условиях, но тем не менее выполнили свою роль в укреплении имперской политики в Казахской степи.

Первый Сибирский комитет (1821–1838) занимался вопросами разработки и реализации «Устава о сибирских киргизах» 1822 года, который должен был адаптировать казахское общество к имперской системе управления. Как видно из архивных документов, организацией нововведений занималась местная администрация в лице генерал-губернатора Западной Сибири при помощи офицеров штаба и казачьих отрядов, которые хорошо знали сильные и слабые стороны местной правящей элиты и использовали все средства, содействовавшие реализации устава. Снабжённые особыми предписаниями военно-офицерские отряды, направленные в Казахскую степь, с особой осторожностью, дабы не вызывать открытых волнений, агитировали к принятию нововведений. Вооружённые отряды привлекались для демонстрации имперской силы, зачастую в агитационную работу привлекались муллы; речи руководителей отрядов, согласно инструкции, сопровождалась эпитетами и выражениями, которые должны были создавать в казахском обществе идеи и впечатления о «благотворности» и «заботливости» имперской власти. Более того, процесс принятия устава обязательно сопровождался обрядом принесения присяги на Коране, тем самым внушалась религиозная легитимация устава. Имперская власть стремилась придать реформам «законность» и внешнюю привлекательность, одновременно минимизируя риски сопротивления и создавая иллюзию добровольного согласия казахского населения на интеграцию в колониальную систему управления.

Архивные документы свидетельствуют как о первых успехах организации первых округов, так и о трудностях в их практической реализации. Введение устава изначально привело к открытому сопротивлению части потомков Абылай хана, которые предвидели угрозу власти чингизидов и наследственной ханской власти. Более того, опыт взаимодействия казахского населения с линейным начальством, рядовыми казаками ещё при жизни Абылай хана и принятия российского подданства показывал организационную слабость имперских обещаний и гарантий стабильности жизнедеятельности казахского общества. Среди части казахской элиты началось активное социальное и этнополитическое сопротивление имперским нововведениям, в связи с чем Сибирский комитет был вынужден приостановить на несколько лет дальнейшую реализацию устава, а также ограничить военное присутствие в Казахской степи.

Деятельность второго Сибирского комитета (1852–1864) связана со стремлением России укрепить свои позиции в Центральной Азии. Комитет занимался интеграцией региона, развитием промышленности (добыча соли, золота, руд), регулированием торговли, строительством инфраструктуры и укреплений, созданием новых административных единиц (например, Алатавского округа). Политика ослабления роли чингизидов в должности старших султанов была реализована решениями о внедрении права избираться старшими султанами представителям чёрной кости. Среди них были дослужившиеся до офицерских чинов бии, волостные султаны и почётные киргизы, которые проявили особое усердие и благосклонность к имперской политике; таким образом, началась трансформация традиционной политической системы казахского общества.

Совместная деятельность обоих комитетов демонстрирует системность и последовательность имперской политики: от осторожного внедрения устава и адаптации казахского права – к масштабной интеграции и культурной трансформации региона.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках реализации фундаментального научного исследования АР23487874 «Деятельность Сибирского комитета по формированию и реализации официальной политики Российской империи на территории Северо-Восточного Казахстана: анализ источников и контекст» при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- Абдилдабекова, 2004 – Абдилдабекова А.М. Россия и Казахстан (XVIII – начало XX века): вопросы историографии: учебное пособие. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 124 с.
- Абдрахманова, 1998 – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: Елорда, 1998. 137 с.
- Акимбеков, 2018 – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы: ТОО Институт Азиатских исследований, 2018. 562 с.
- Аполлова, 1948 – Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948. 256 с.
- Волчек, 2006 – Волчек В.А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск: Сибирская народная книга, 2006. 420 с.
- Дамешек, 1986 – Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начала XX в.). Иркутск: Иркутский университет, 1986. 168 с.
- Дамешек, Ремнев, 2007 – Дамешек Л.М., Ремнев А.В. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
- Ерошкин, 1981 – Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981. 252 с.

- Ерошкин, 1997 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997. 352 с.
- Жиренчин, 1996 – Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX в. Алматы: Жеті Жарғы, 1996. 352 с.
- Зиманов, 1960 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII – первой половины XIX в. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 296 с.
- ИАОО – Исторический архив Омской области.
- Комаров, 2004 – Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью XVII – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2004. 233 с.
- Кузнецов, 1972 – Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // *Очерки истории Сибири*. Вып. 2. Иркутск, 1972. С. 3-27.
- Маркова, 1998 – Маркова И.Б. Вопросы организации управления Сибирью периода позднего феодализма в советской историографии // *Вопросы историографии Сибири и Алтая*. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. С. 57-58.
- Отепова, 2012 – Отепова Г.Е. Хронологический указатель законодательных актов Российской империи по истории Казахстана XVIII – начала XX в. Учебно-справочное пособие. Павлодар: ПГПИ, 2012. 159 с.
- Отепова, 2015a – Отепова Г.Е. Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX в.): сборник документов. Ч.1. Павлодар: ПГПИ, 2015. 284 с.
- Отепова, 2015b – Отепова Г.Е. История Казахстана в законодательных источниках Российской империи. Павлодар, 2015. 293 с.
- Почекаев, 2014 – Почекаев Р.Ю. Статус Казахстана в составе Российской империи в первой половине XVIII в. / *Памятники российского права в 35 т. Т. 5. Памятники права 1725–1762 гг.:* учебно-научное пособие. М.: Юрлитинформ, 2014. 592 с.
- Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Правовое положение окраин Российской империи. Казахстан и Средняя Азия. М., 2017. 184 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Ремнев, 1997 – Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX – начале XX веков. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1997. 253 с.
- Ремнев, 2004 – Ремнев А.В. Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века / *Новая имперская история постсоветского пространства. Сб. статей под ред. И. Герасимова*. Казань: Центр исследования национализма и империи, 2004. 656 с.
- Zhakibayeva et al., 2022 – Zhakibayeva G.B., Otepova G.E., Kontev A.V., Sadykova A.M. (2022). Creating a System of Military Facilities on the South of Kazakhstan on the Middle of the 19th century and Their Role in Conducting a Policy of Russian Empire// *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1140-1152.

References

- Abdildabekova, 2004 – Abdildabekova, A.M. (2004). Rossiya i Kazakhstan (XVIII – nachalo XX veka): voprosy istoriografii: uchebnoe posobie [Russia and Kazakhstan (18th – early 20th centuries): historiography issues: textbook]. Almaty: Daik-Press. 124 p. [in Russian]
- Abdrakhmanova, 1998 – Abdrakhmanova, B.M. (1998). Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the 19th century]. Astana: Elorda. 137 p. [in Russian]
- Akimbekov, 2018 – Akimbekov, S. (2018). Kazakhstan v Rossiiskoi imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty: TOO Institut Aziatskikh issledovaniy. 562 p. [in Russian]
- Apollova, 1948 – Apollova, N.G. (1948). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII veka [The accession of Kazakhstan to Russia in the 1730s]. Alma-Ata. 256 p. [in Russian]
- Dameshek, 1986 – Dameshek, L.M. (1986). Vnutrennyaya politika tsarizma i narody Sibiri (XIX – nachala XX v.) [The internal policy of tsarism and the peoples of Siberia (19th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutskii universitet. 168 p. [in Russian]
- Dameshek, Remnev, 2007 – Dameshek, L.M., Remnev, A.V. (2007). Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1981 – Eroshkin, N.P. (1981). Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty (Pervaya polovina XIX veka) [Serfdom autocracy and its political institutions (First half of the 19th century)]. M.: Mysl'. 252 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1997 – Eroshkin, N.P. (1997). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii [History of state institutions of prerevolutionary Russia]. M.: Tretii Rim. 352 p. [in Russian]
- ИАОО – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of Omsk Region].
- Komarov, 2004 – Komarov, A.V. (2004). Osobyie organy tsentral'nogo upravleniya Sibir'yu XVII – nachala XX vv. [Special bodies of central administration of Siberia of the 17th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet. P.24. [in Russian]
- Kuznetsov, 1972 – Kuznetsov, A.S. (1972). Sibirskaya programma tsarizma 1852 g. [The Siberian program of tsarism in 1852]. Ocherki istorii Sibiri. Vyp. 2. Irkutsk. Pp. 3-27. [in Russian]

Markova, 1998 – *Markova, I.B.* (1998). Voprosy organizatsii upravleniya Sibir'yu perioda pozdnego feodalizma v sovetskoj istoriografii [Questions of the organization of management of Siberia during the period of late feudalism in Soviet historiography]. *Voprosy istoriografii Sibiri i Altaya*. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta. Pp. 57-58. [in Russian]

Otepova, 2012 – *Otepova, G.E.* (2012). Khronologicheskii ukazatel' zakonodatel'nykh aktov Rossiiskoi imperii po istorii Kazakhstana XVIII – nachala XX v. Uchebno-spravochnoe posobie [Chronological index of legislative acts of the Russian Empire on the history of Kazakhstan of the 18th – early 20th centuries. Educational reference manual]. Pavlodar: PGPI. 159 p. [in Russian]

Otepova, 2015 – *Otepova, G.E.* (2015). Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii po istorii Kazakhstana (XIX v.): sbornik dokumentov. Ch.1. [Legislative acts of the Russian Empire on the history of Kazakhstan (19th century): collection of documents. Part 1]. Pavlodar: PGPI. 284 p. [in Russian]

Otepova, 2015 – *Otepova, G.E.* (2015). Istoriya Kazakhstana v zakonodatel'nykh istochnikakh Rossiiskoi imperii [History of Kazakhstan in the legislative sources of the Russian Empire]. Pavlodar. 293 p. [in Russian]

Pochekaev, 2014 – *Pochekaev, R.Yu.* (2014). Status Kazakhstana v sostave Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XVIII v. [Status of Kazakhstan within the Russian Empire in the first half of the 18th century]. Pamyatniki rossiiskogo prava in 35 vol. Vol. 5. Pamyatniki prava 1725-1762: study guide. M.: Yurlitinform. 592 p. [in Russian]

Pochekaev, 2017 – *Pochekaev, R.Yu.* (2017). Pravovoe polozhenie okrain Rossiiskoi imperii. Kazakhstan i Srednyaya Aziya [Legal status of the outskirts of the Russian Empire. Kazakhstan and Central Asia]. M. 184 p. [in Russian]

Remnev, 1997 – *Remnev, A.V.* (1997). Samoderzhavie i Sibir': Administrativnaya politika vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov [Autocracy and Siberia: Administrative policy of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Izd-vo Omskogo un-ta. 253 p. [in Russian]

Remnev, 2004 – *Remnev, A.V.* (2004). Vdvinut' Rossiiu v Sibir': imperiya i russkaya kolonizatsiya vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [To push Russia into Siberia: empire and Russian colonization in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. Coll. of articles ed. by I. Gerasimova. Kazan': Tsentr issledovaniya natsionalizma i imperii. 656 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Volchek, 2006 – *Volchek, V.A.* (2006). Osushchestvlenie imperskoi politiki na vostochnykh okrainakh Rossii v deyatelnosti Vtorogo Sibirskogo komiteta [The implementation of imperial policy on the eastern outskirts of Russia in the activities of the Second Siberian Committee]. Novosibirsk: Sibirskaya narodnaya kniga. 420 p. [in Russian]

Zhakibayeva et al., 2022 – *Zhakibayeva G.B., Otepova G.E., Kontev A.V., Sadykova A.M.* (2022). Creating a System of Military Facilities on the South of Kazakhstan on the Middle of the 19th century and Their Role in Conducting a Policy of Russian Empire. *Bylye Gody*. 17(3): 1140-1152.

Zhirenchin, 1996 – *Zhirenchin, K.A.* (1996). Politicheskoe razvitie Kazakhstana v XIX – nachala XX v [Political development of Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries]. Almaty: Zheti Zhargy. 352 p. [in Russian]

Zimanov, 1960 – *Zimanov, S.Z.* (1960). Politicheskii stroi Kazakhstana kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX v. [The political system of Kazakhstan of the late 18th – first half of the 19th centuries]. Alma-Ata: AN KazSSR. 296 p. [in Russian]

Историко-архивный анализ документов Сибирского комитета по вопросам внедрения административно-территориальных реформ в Казахской степи в XIX веке

Данияр Ж. Кусаинов ^{a, *}, Алтынгуль А. Каскабасова ^b, Гульдана Б. Жакибаева ^c

^a Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Республика Казахстан

^b Торайгыров университет, Павлодар, Республика Казахстан

^c Академия физической культуры и массового спорта, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Сибирского комитета, которая охватывала широкий спектр сфер, что делает его одним из ключевых институтов управления и развития Сибири в XIX веке. Комитет занимался вопросами административного управления, экономического развития, социальной политики и культурного прогресса, что позволило ему оказывать значительное влияние на формирование облика регионов Российской империи, включая казахские степи. Цель данного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: daniyar.k.zh@mail.ru (Д.Ж. Кусаинов), kaa80alt@mail.ru (А.А. Каскабасова), zhakibayeva.guldana@gmail.com (Г.Б. Жакибаева)

исследования – проанализировать деятельность Сибирского комитета в отношении внедрения административных и территориальных реформ в Среднем жузе в течение XIX века на основе архивных документов. Задача исследования – ввести в научный оборот новые архивные материалы, связанные с деятельностью Сибирского комитета, которые могут дополнить существующие знания о механизмах управления и экономического развития степных территорий. Исследование основано на архивных документах из фондов Российского государственного исторического архива и Исторического архива Омской области.

Деятельность Сибирского комитета была многогранной и имела далеко идущие последствия. Создание инфраструктуры, реализация переселенческой политики, экономическое развитие и культурная трансформация в Среднем жузе стали процессами, которые существенно изменили облик Казахской степи.

Ключевые слова: Сибирский комитет, Средний жуз, реформы, устав, внешний округ, промышленность.